

РЖАВАЯ ВИНТОВКА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА СПАСЛИ ВОЛЬФГАНГА КАЗАКА

Воспоминания о встречах с выдающимся немецким славистом Вольфгангом Казаком (1927–2003), автором международно известного «Лексикона русской литературы XX века», о его поездке в Самару в 1994 году. Поворот его судьбы, сына немецкого писателя-антифашиста Германа Казака, произошёл в 1945 году: оказавшись в советском лагере для военнопленных на Волге, он стал изучать русский язык и полюбил русскую литературу.

Ключевые слова: Вольфганг Казак, русская литература, Вторая мировая война, антифашизм, Герман Казак, Самара (Куйбышев), зло.

Одна из самых ценных книг в моей библиотеке — это «Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года», составленный легендарным немецким русистом Вольфгангом Казаком, переведённый на русский эмигрантами Еленой Варгафтик и Игорем Бурихиным и опубликованный в 1988 году издательством ОРІ в Лондоне. Уникально это издание ещё и тем, что мне подарил его сам господин профессор, когда после многих лет отсутствия был вновь допущен на родину русской литературы, которую он обожал, которая стала делом его жизни и, между прочим, ему эту жизнь спасла.

Дело было так. Вольфганг Казак родился (1927) в семье знаменитого писателя Германа Казака, который был не в ладах с фашистами, отчего долгие годы был лишён литературной работы, и квартира его, где возрос будущий великий славист, была пристанищем инакомыслящих интеллектуалов. В апреле 1945 года Вольфганг Казак провёл шесть дней на Восточном фронте, который в это время был уже практически в Берлине, а на седьмой день попал в плен, где его сначала чуть не расстреляли, приняв за снайпера, но когда увидели его ржавую (изнутри) винтовку, из которой он не сделал ни единого выстрела, долго хохотали и отправили незадачливого вояку вглубь СССР, в город Куйбышев, так тогда называлась Самара, в лагерь для военнопленных. Казак там «доходил» и скорей всего погиб бы от голода, но по русским книгам вдруг чудом, быстро-быстро, выучил наш язык, хотя до этого

* Евгений Анатольевич Попов — писатель; руководитель творческого семинара прозы; доцент кафедры литературного мастерства Литературного института имени А. М. Горького; popov1984@yandex.ru

не знал по-русски ровным счётом ничего. Да и фамилия его семьи *Казак* к России никакого отношения не имела. Вольфганг рассказывал потом, что только никак не мог запомнить важное для эзков слово «кипяток».

В 1951 году он окончил Гейдельбергский университет. С 1951 по 1953 изучал славистику в Гёттингенском университете, где получил степень доктора наук.

После докторской диссертации о творчестве Константина Паустовского, множества публикаций он стал популярной и уважаемой персоной в кругу исследователей и любителей русской литературы, а также её творцов по обе стороны «железного занавеса» — поэтов, писателей, драматургов разных возрастов, стилей и умонастроений.

С 1956 по 1960-й работал переводчиком в только что открытом посольстве Федеративной Республики Германии в Москве, с 1960 по 1969-й занимал должность ответственного работника по научному обмену между ФРГ и СССР. В 1969-м стал заведующим кафедрой славянской филологии и директором Института славистики Кёльнского университета. Перевёл на немецкий Гоголя, Каверина, Паустовского, Розова, Тендрякова, Солженицына, Нагибина, Анатолия Кима и многих других, даже головоломные тексты Саши Соколова перевёл. Многим русским писателям и поэтам помогал. Устраивал им гранты, лекции, выступления. Открыл Западу Геннадия Айги...

Но, как гласит советская пословица, «ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным». Именно эта широта интересов профессора Казака и послужила непосредственной причиной того, что в начале 1970-х годов его объявили идеологическим подстрекателем и перестали пускать в СССР, куда он смог приехать только в начале конца «перестройки».

Расчёт был прост. Славист, литературовед, историк литературы не может существовать вне своего материала, вне своих изучаемых объектов — литераторов и их книг. Советская власть не только своих подданных гнобила, но и протянула свои щупальца по всему миру. Знаменитый коллекционер русского искусства, француз Рене Герра рассказывал мне, что ему, студенту Сорбонны, настойчиво не рекомендовали общаться с русскими писателями-эмигрантами первой и второй волны, ибо это может не понравиться «советским товарищам» и непременно отразится на его карьере.

Казак, друг опальных русских писателей, мог не трудиться ходить за визой. В визе ему отказывали без объяснения причин. *Догадайся, мол, сама...* Многие догадывались. Известная американская писательница, имевшая виды на перевод её дамских сочинений в СССР, расхрабрившись, встретила на тайной квартире с литературными диссидентами, а потом их же умоляла никому об этой встрече не рассказывать — не дай бог попадёт в прессу, а из прессы — на глаза советскому начальству.

Даже несоветский человек должен был себя вести **правильно**, с пониманием того, какая великая миссия выпала на долю советского народа, строителя коммунизма, а в особенности на его разномастных вождей.

Вольфганг Казак такие ритуальные глупости принимать в расчёт не желал, потому что он к тому времени уже занялся главным делом своей жизни — составлением «Лексикона русской литературы XX века», появление которого в 1976 году на немецком языке окончательно закрыло профессору путь в

Россию. Ведь в этом справочнике современная русская литература впервые была представлена как единая литература, а не разделённая на «красных» и «белых», «наших» и «не наших». Там был писатель на букву «Б» Леонид Ильич Брежнев и писатель на букву «С» Александр Исаевич Солженицын, советский «Октябрь» и антисоветский «Континент», Маяковский и Мать Мария. Казака интересовала русская литература, только литература, ничего, кроме литературы.

Однако к 1988 году, когда «Лексикон» появился на русском языке, весомая часть наших ведущих писателей уже пополнила ряды эмигрантов, да и в самой стране творилось чёрт-те знает что с точки зрения её правителей, не поспевающих за ходом времени, а то и пытающихся остановить его.

Казака вдруг *пустили*, и он впервые встретился со многими персонажами своего лексикона, в том числе и со мной. Более того, мы вместе выступали в огромном зале Московского Дома архитекторов, где впервые состоялся разрешённый вечер опального альманаха «Метрополь», которому Казак посвятил в своём справочнике специальную статью.

С тех пор он бывал в СССР (с 1991 года — Россия) регулярно и многократно. Об одной такой поездке, связанной с волжским городом Самарой, я и хочу рассказать, ибо был её непосредственным свидетелем, если не сказать «участником». Думаю, что эта поездка была для Казака, как раньше выражались, судьбоносной. Вольфганг встретился со своим прошлым, и вот что из этого получилось.

Был 1994 год, время весёлой демократии, когда многим казалось, что розы не имеют шипов, с прошлым покончено, «никогда, никогда россиянин не будет рабом» и так далее.

Куйбышев снова стал Самарой. Некогда «закрытый город», куда не ступала нога иностранца, принимал недавних патентованных «отщепенцев» Василия Аксёнова и Владимира Войновича, а также «знаменитого западно-германского учёного-слависта Вольфганга Казака».

Нет смысла описывать весь ход этих встреч. Научную конференцию «Третья волна» в Центральной библиотеке, беседы с читателями и университетскими студентами, выступление писателей в новом здании филармонии. Обо всём этом можно вспомнить, «подняв газеты» за соответствующий год.

Я о другом. Мы искали почти весь день место бывшего лагеря, куда он угодил, попав в плен в апреле 1945 года, место его печальной юности. Наш катер приставал к правому берегу Волги во множестве мест, и каждый раз это было «не то». Казак всё больше и больше мрачнел.

— Нет, не здесь, — в очередной раз говорил он. — *Там Волга была широкая, а гора — высокая*, — повторял он, как заклинание.

— Нет здесь такого ландшафта, — уверяли его.

— Может, это у вас абберация пропорций? Ведь вы были молоды тогда, когда все «деревья казались большими», — увещевали его.

Казак молчал. С ним происходило НЕЧТО. Он стоял на носу катера и бормотал своё прежнее: «Волга была широкая, гора — высокая».

И вдруг его лицо озарилось непонятным сияньем.

— Здесь! — торжественно выкрикнул он. — Зольное! Это называлось Зольное!

Смеркалось. Мы вышли на берег. И — о чудо! — Волга здесь действительно разливалась широко, огибая остров, а гора действительно угрожающе нависала над прибрежным пространством.

— Это было здесь. Здесь были бараки, плац, вахта, столовая. Здесь я был молод, — тихо сказал Казак.

После чего резко развернулся и велел везти нас обратно.

Утром он уезжал. Утром он покидал Самару. Утром он покидал Куйбышев, Зольное, бараки, плац, вахту, столовую, покидал ту ауру метафизического ЗЛА, которое судил ему Бог на заре юности и новой встречи с которым он невольно жаждал всю жизнь.

Дальнейшее можно считать мистикой или натурализмом, как кому удобнее. Дело в том, что Казак внезапно заболел. Хотя это мягко и неточно сказано — «заболел». Странности начались ещё в Самаре, где он вдруг объявил ко всеобщему изумлению, что все его хлебосольные хозяева-волжане не иначе как сотрудники КГБ. В полном беспамятстве прилетел он в родной Кёльн, где его должна была встречать жена Фредерика. Фредерика не обнаружила мужа среди выходящих из-под вывески «Departure» пассажиров. Она нашла его на задворках аэропорта, скорчившегося в углу, никого не узнающего.

Потом он долго лежал в больнице, где высокоучёные и соответствующим образом оплачиваемые врачи не смогли, к своему удивлению, поставить ему диагноз и лечили его **ВООБЩЕ**.

Но — вылечили. Около года он был в тяжёлом состоянии «или-или», но всё же, как раньше писали в романах, «его здоровая сильная натура взяла своё».

Он выздоровел. Его «Лексикон», расширенный и дополненный, вышел в России и до сих пор является уникальным и по-своему непревзойдённым справочным изданием.

Человек со славянской фамилией Казак жил в немецкой деревеньке со смешным для русского уха названием Мух.

Немецкая деревенька отличается от русской тем, что имеет ладные каменные дома, мощённые булыжником и заасфальтированные мостовые, супермаркет, церковь. Вольфганг Казак, уважаемый житель деревни Мух, по воскресеньям играл в этой церкви на органе.

Я никогда не заговаривал с ним о том, что произошло в Самаре теперь уже много лет назад, пока он не сделал это сам.

Была осень. Мы долго гуляли с ним по дивным окрестным лесам, а потом зашли в пустую церковь.

— Вот это — орган, — сказал Казак. — А это — ведро воды. Я каждое утро наполняю это ведро водой, чтобы поддерживать в помещении ту степень влажности, которая необходима для органа. Чтобы он не рассыхался. К вечеру ведро становится пустым, вода испаряется...

Он помолчал и сел перед органом.

— Я понял, что было тогда со мной в Самаре, в Зольном. Это была схватка моей души со Злом, схватка насмерть. Зло чуть было не победило меня, но Бог помог мне одолеть Зло. Я вышел из этой битвы с обновлённой душой.

И вдруг добавил, глядя на моё непонимающее лицо:

— Хочешь, я тебе сыграю на органе «Катюшу»?

— Разве в церкви можно? — усомнился я.

— Можно, — твёрдо ответил Вольфганг Казак.

Вы никогда не слышали «Катюшу» в органном исполнении, когда странные эти звуки наполняют гулкое пространство чинного немецкого храма, расположенного в сельской глубинке земли Северный Рейн–Вестфалия?

Я слышал.

Он умер в 2003 году, оставив множество учеников и последователей.

Как писал один из них, профессор Райнер Гольд, «смертельная болезнь, которой Вольфганг Казак до последнего пытался сопротивляться с помощью присущей ему дисциплины, была встречена им с открытостью, достойной восхищения. Бережно планировал он оставшееся время жизни и работы. При этом его подготовка к неизбежному не была стоическим смирением, но сознательным приятием факта перехода “в мир иной”».

Светлая память! Вечный покой!